

УДК 008

## Отражение русской языковой картины мира в словообразовательной глагольной метафоре

**Демидова Елена Борисовна**

Кандидат филологических наук,  
доцент кафедры русского языка как иностранного в профессиональном обучении,  
Институт филологии и иностранных языков,  
Московский педагогический государственный университет,  
119435, Российская Федерация, Москва, ул. Малая Пироговская, 1/1;  
e-mail: lena2707@yandex.ru

**Николаева Наталья Владимировна**

Кандидат культурологии, доцент,  
кафедра русского языка как иностранного в профессиональном обучении,  
Институт филологии и иностранных языков,  
Московский педагогический государственный университет,  
119435, Российская Федерация, Москва, ул. Малая Пироговская, 1/1;  
e-mail: nv.nikolaeva@mpgu.su

### Аннотация

Русское словообразование активно участвует в передаче «культурной» информации. Особенности языка, являющиеся «картиной мира» в сознании этноса, сосредоточены, в первую очередь, в языковом сравнении, метафоре. Метафорическое структурирование объектов имеет избирательный и фрагментарный характер, проявление чего можно отметить во всех группах глаголов, образованных на основе словообразовательной метафоры. Достаточно широко в русском языке представлена группа глаголов становления физического или психического качества, а также глаголов поведения, образованных от метафоризованных названий животных. При этом метафорическое структурирование объектов имеет весьма избирательный и фрагментарный характер, проявление чего можно отметить во всех группах глаголов, образованных на основе словообразовательной метафоры. В группе глаголов, образованных от вещественных и конкретных имен существительных при ограниченности набора веществ, «пригодных» для метафоризации, весьма часто представлен такой признак, как *неподвижность*, отрицательно оценивающийся языковым сознанием, поскольку концепт *движение* является «положительным» концептом русского языка. Глаголы поведения от существительных, обозначающих учреждения, представлены небольшой группой, однако эти глаголы свидетельствуют о репрезентативном фокусе русского языкового сознания. Следует отметить также, что метафорическая мотивация выражена как отчетливо, так и неявно.

**Для цитирования в научных исследованиях**

Демидова Е.Б., Николаева Н.В. Отражение русской языковой картины мира в словообразовательной глагольной метафоре // Культура и цивилизация. 2019. Том 9. № 2А. С. 162-169.

**Ключевые слова**

Языковая картина мира, словообразование, метафора, глагол, филология.

**Введение**

В русской языковой картине мира, которая соотносится с концептуальной, может быть выделен словообразовательный сегмент, особенность которого заключается в особом характере производных, в их связях с другими лексическими единицами. Важно, что «специфика языкового мышления тесно связана с понятием внутренней формы слова, поскольку именно она зачастую является источником национально-культурной информации» [Фатхутдинова, 2006]. «Когнитивная интерпретация семантической структуры словообразовательного гнезда позволяет выявить идиоэтнический компонент его производных, которые для носителей языка являются коммуникативно и концептуально значимыми» [там же].

Каждый язык интересен нам прежде всего своими уникальными особенностями, своим национальным колоритом, который проявляется не в логической области, не в сфере понятий, а в области народной фантазии, эмоций и чувственных представлений. Эти особенности, которые и являются «картиной мира» в сознании определенного этноса, отражены, в первую очередь, в языковом сравнении, метафоре.

**Основная часть**

По словам Х.Г. Гадамера, «в языковом оформлении человеческого опыта мира происходит не измерение или учет наличествующего, но обретает голос само сущее в том виде, в каком оно в качестве сущего и значимого являет себя человеку» [Гадамер, 1988, 527].

Хотя формально словообразовательная метафора принадлежит словообразовательной системе, она в то же время обладает всеми качествами метафоры лексической. Словообразовательная метафора также двупланова, способна выполнять различные функции: назывную и экспрессивную, образную. Однако следует учитывать, что ее системные и функциональные свойства проявляются иначе.

Словообразовательная и лексическая метафора различны тем, что у них по-разному формируется переносное значение. У лексической метафоры сама форма слова не изменяется, например *еж* «животное, покрытое иглами, в случае опасности сворачивающееся клубком» – *еж* «переплетенные колючей проволокой металлические конструкции, использующиеся как противотанковое приспособление». А при образовании метафоры словообразовательной структура слова меняется, например *ежиться* «подобно ежу, всем телом сжиматься от холода».

Словообразовательная метафора также более антропоцентрична, нежели лексическая. Формируется она чаще в рамках антропоморфных моделей «человек – предмет» и «предмет – человек». Производящими при этом являются слова, связанные с человеком в своем значении.

Невысокий словообразовательный потенциал и сниженную стилистическую маркированность следует считать системными свойствами словообразовательной метафоры.

Большинство производных со значением сравнения обычно характеризуются отрицательной эмоциональной оценкой.

«Образным мы называем такое значение производного слова, в котором центральную, структурирующую роль играет детерминируемое национальными и культурно-историческими условиями чувственно-наглядное представление, лежащее в основе словообразовательно мотивированной номинации и являющееся источником эмоционально-оценочных наслоений. Образное значение, как правило, носит коннотированный характер» [Огольцева, www].

Глаголы становления психического и физического качества, а также глаголы поведения образуются от метафор-существительных, являющихся названиями животных. Производные имеют значение «проявлять черты, свойства животного, от названия которого образуется глагол». Обычно слова данной группы обозначают эмоционально-психическое состояние, особенности поведения человека и, кроме образности, свойственной им, имеют коннотативный компонент, как правило, отрицательный. Образность и оценочность отсубстантивный глагол «наследует» от исходной метафоры – имени существительного. Например, *свинячить* – «проявлять высшую степень неаккуратности, неряшливости» ← *свинья* «перен. грязный, неопрятный человек» ← *свинья* «домашнее животное»; *ишачить* «выполнять самую трудную и тяжелую работу» ← *ишак* «перен. человек, выполняющий самую тяжелую работу» ← *ишак* «помесь осла и лошади».

В составе значения данных глаголов имеется компонент «подобно» (как свинья, как осел и др.), они выделяются яркой внутренней формой. Если этот компонент со временем теряется, внутренняя форма стирается тоже. При этом утрачивается мотивация, и основную функцию начинает выполнять словообразовательная модель, например: *выеживаться* «разг., фам.-шутл. важничать, позволять себе капризы, стараться обратить на себя внимание» – *выпендриваться*, *выкобениваться*, *выдрючиваться*, *выделываться*; *раздраконить* «жарг. 1. Разорить, разорвать; 2. жарг. сильно разругать» – *раздолбать*, *раздраить*.

По мнению Джексона и Лакоффа язык является средством выражения результатов концептуализации опыта, познания мира, осуществленных с помощью метафоры, пронизывающей всю повседневную жизнь человека, в том числе его мышление и деятельность [Джексон, Лакофф, 2004, 27]. При этом метафорическое структурирование объектов с неизбежностью фрагментарно [там же, 91].

Любопытно, что круг животных, «подвергшихся метафорическому осмыслению в русской картине мире не велик, в него попадают далеко не все животные из тех, что имеют символическое и аллегорическое значение. Например, существительное *лиса* не мотивирует отсубстантивный глагол, хотя лиса является аллегорией хитрости в русской культуре. Также нет глаголов, мотивированных такими символически нагруженными зоонимами, как, например, *волк*, *овца*, *гусь*, *лошадь*, *медведь*, *змея*, входящими в различные устойчивые сравнения.

В русском языке имеются просторечные глаголы *козлить* (*делать глупости*), *бычиться* (*обижаться*), но нет *баранить* в значении *плохо что-то понимать*, хотя *баран* аллегория тупости, или, например, нет глагола *овечить*, т.е. *вести себя кротко, как овечка*. Собственно, отсутствие в языке такого слова можно объяснить и общей тенденцией использования метафоризации для создания негативных образов выражения и негативных коннотаций. Избирательность метафорических процессов проявляется, в частности, и в том, что, в русском языке есть глаголы *петушиться* (*делать вид, что не боишься* – *хорохориться*, *хвастаться*). *Ершиться* (*спорить, горячиться, упрямиться, всем своим видом или поведением выражая несогласие с кем-либо или с чем-либо*). Относительно данной лексемы можно отметить, что само

слово *ерш* в значении рыбы, очевидно, имеет метафорическое значение, произошедшее от прямой номинации бытового предмета – гвоздя с зубринами. Интересно отметить, что «*колючесть*» ерша метафорически осмысливается как *задиристость*, при том, что «*колючесть*» ежа игнорируется; зато метафорически отмечается другое свойство – *сворачиваемость*: глагол *ежиться* (*пожиматься, сжиматься всем телом, сутулясь и прижимая руки (об инстинктивном движении испытывающего холод)*). При таком очевидном внешне проявленном признаке как «наличие иголок» метафоризация идет по разным векторам. В обоих случаях метафорическому переосмыслению подвергаются внешние признаки. Что касается таких глаголов, как *собачиться, козлить, бычиться* и под., то метафорически осмысливаются внутренние качества, специфика поведения.

Выразительность глаголов, которые образованы от метафор-существительных, являющихся названиями лица, также обусловлена наличием в их значении компонента образности и оценки, также негативной. В то же время такие глаголы могут быть мотивированы существительными, не имеющими отрицательной коннотации: *генеральствовать* «фам., неодобр. держаться властно, по-начальнически» ← генерал «военный чин»; *ораторствовать* «рассуждать, говорить витиевато, пространно» ← оратор «человек, обладающий даром красивой и убедительной речи».

Глаголы этой группы могут быть образованы и от собственных имен существительных. Основной для мотивации в этом случае становится характерная черта данного лица: *донжуанствовать* «вести себя, как Дон Жуан, волокита» ← Дон Жуан; *печоринствовать* «вести себя подобно Печорину» ← Печорин; *байронствовать* «вести образ жизни Байрона» ← Байрон. Для понимания специфики образной мотивации и значения таких глаголов нужно иметь обширные фоновые знания в области мировой художественной литературы.

В данной группе глаголов возможно постепенное стирание внутренней формы при разрушении словообразовательных связей глагола и метафоризованного имени. И тогда выразительность глагола уменьшается или оказывается стертой, например *линчевать* – Линч «имя американского плантатора» и т.д.

Обратим внимание на то, что фрагментарность метафорического структурирования объектов, на которую обращали внимание Джексон, Лакофф, при образовании глаголов от метафоризованного названия лица проявляется не менее очевидно. Далеко не от всех так называемых нарицательных имен образуются отглагольные метафоры. Например, глагола, образованного от имени собственного *Карамзов* нет, хотя есть существительное *карамазовщина* со значением «крайняя степень моральной безответственности, сопровождающаяся безудержными страстями и постоянными колебаниями от нравственных падений к возвышенным душевным порывам, как бытовое, национальное или психологическое, так же как нет глаголов, мотивированных именами собственными *Манилов, Чичиков* и пр. Возможно, отсутствие глаголов, мотивированных этими собственными именами, можно объяснить тем, что для негативных состояний и действий, связанных с этими существительными, в русском языке уже есть наименования и этим явлениям дана негативная оценка; тогда как явления, коррелирующие с именами Дон Жуан или Байрон, как некие знаковые явления чужой культуры были не вполне характерны для русской социокультурной реальности, и, главным образом, им и давалась оценка.

Выразительные возможности глаголов, образованных от существительных, которые обозначают характеристику лица, объясняются в первую очередь отрицательной коннотацией, заложенной в семантике мотивирующего: *бабничать* «являться бабником (неодобрит.)» ←

*бабник* «разг.- фам., неодобрит. дамский угодник, ловелас»; *нахлебничать* «являться нахлебником» ← *нахлебник* «неодобр. приживальщик, живущий на чужие средства, хлеб» и др.

У глаголов, которые образованы от конкретных и вещественных имен существительных, при метафорическом переносе может наблюдаться актуализация признака. Выразительный потенциал таких глаголов является следствием прямой соотнесенности со словами-субстантивами – «как стекло», «как камень»: *стекленеть* «застывая, становится похожим на стекло» ← *стекло* «вещество и универсальный материал в практике человека, часто прозрачный».

Для описания языковой картины мира интересно понаблюдать за избирательностью русского языкового сознания в этом сегменте. В качестве предметов, «отобранных» языком для метафорического переосмысления оказалось довольно ограниченное количество веществ: *песок* (*пропесочить*), *камень* (*окаменеть*), *дерево* (*одеревенеть*), *стекло* (*остекленеть*), *столб* (*остолбенеть*), *масло* (*подмаслить*, *умаслить*). Глаголы типа *леденеть*, *пилить*, *утюжить* не входят в разряд рассматриваемых нами глаголов, так как они представляют собой не словообразовательную, а лексическую метафору. Несколько глаголов (*каменеть* – *окаменеть*, *деревенеть* – *одеревенеть*, *стекленеть* – *остекленеть*, *столбенеть* – *остолбенеть*), образованных с помощью суффикса –е- передают значение *утратить свойства живой природы, приобрести свойства неживой природы – неподвижность*. Поскольку каждый язык является «уникальным коллективным произведением искусства, неотъемлемой частью культуры народа, органом саморефлексии, самопознания и самовыражения национальной культуры» [Корнилов, 2003, 133], то можно предположить, что для русского языкового сознания ситуация «перехода» живого в неживое, утрата подвижности, отраженная несколькими метафорическими единицами, является объектом интереса и, в то же самое время, негативной оценки.

От абстрактных существительных могут образовываться глаголы психического воздействия. При этом сравнительное значение выражается посредством глагола, который обозначает активное действие, ассоциативно связанное с предметом. Отраженный в первом значении образ процесса отодвигается на задний план и не воспринимается, поскольку на передний план выдвигаются сопутствующие составляющие данного процесса. В сознании носителей языка лексические значения подобных глаголов связываются с существительным, а не с первичным значением глагола. Например, *митинговать* «заниматься прениями, разговорами, не приступая к практическому делу» ← *митинг* «от англ. meeting собрание, встреча» вместо ← митинговать «принимать участие в митинге»; *вентилировать* «прост. обсуждать что-либо, выяснять» ← *вентиляция* «проветривание помещения при помощи особых устройств» вместо ← вентилировать «осуществлять вентиляцию помещения».

По словообразовательной модели со значением сравнения образуются глаголы поведения от имен существительных, называющих учреждения, например: *школить* «разг. муштровать, внушать кому-н. такие правила поведения, как в школе» ← *школа* «низшее или среднее учебное заведение»; *базарить* «шуметь, скандалить, как на базаре» ← *базар* «1. место для торговли, рынок; 2. разг. шум, крик, споры». В процессе мотивации актуализируется признак «как на базаре», «как в школе».

Избирательность метафорического осмысления проявляется и здесь. Материалом для образного переосмысления могли бы стать такие лексемы, как *тюрьма*, *казарма*, *армия* в значении «внушать кому-н. такие же строгие правила поведения», однако язык выбирает иной

образ, что, по-видимому связано не столько со строгостью правил, сколько с возрастом, т.е. негативно оценивается ситуация отношения ко взрослому человеку как к ребенку.

Мотивирующим при словообразовании оценочных глаголов может являться и абстрактное имя существительное со значением неодобрения: *ерундить* «прост. делать или говорить ерунду» ← ерунда «разг. пустяки, вздор, чепуха»; *финтить* «разг. хитрить, вести себя неестественно» ← *финт* «разг. лукавство, уловка».

В мотивированном глаголе может выражаться указание на степень названных процессов. При толковании значения это чаще всего выражается наречиями «очень», «сильно» и т.д. Например: *рекламировать* «неодобр. расхваливать, превозносить» ← *реклама* «оповещение различными способами с целью привлечения покупателей, зрителей»; *цацкаться* «прост., неодобр. ухаживать за кем-л., стараясь удовлетворить каждое желание» ← *цаца* «прост., тот, кто доставляет много хлопот, важничает».

Метафорическая мотивация проявляет себя по-разному: у одних глаголов ярко, в семантике других – лишь намек на предметный образ, у третьих образность полностью стерта.

Возможна и «ложная» мотивация, когда при соотнесении производного глагола с производящим подменяется исходное существительное. Например, *сморозить* «прост. сказать какую-либо нелепость, вздор» не имеет деривационных связей с именем существительным *мороз* «холод, стужа», которое с этимологической точки зрения восходит к «семинарск. аргот от греч. μωρός – глупый».

## Заключение

Итак, достаточно широко в русском языке представлена группа глаголов становления физического или психического качества, а также глаголов поведения, образованных от метафоризованных названий животных. При этом метафорическое структурирование объектов имеет весьма избирательный и фрагментарный характер, проявление чего можно отметить во всех группах глаголов, образованных на основе словообразовательной метафоры. В группе глаголов, образованных от вещественных и конкретных имен существительных при ограниченности набора веществ, «пригодных» для метафоризации, весьма часто представлен такой признак, как *неподвижность*, отрицательно оценивающийся языковым сознанием, поскольку концепт *движение* является «положительным» концептом русского языка. Глаголы поведения от существительных, обозначающих учреждения, представлены небольшой группой, однако эти глаголы свидетельствуют о репрезентативном фокусе русского языкового сознания. Следует отметить также, что метафорическая мотивация выражена как отчетливо, так и неявно.

## Библиография

1. Гадамер Х.Г. Истина и метод. М., 1988. 704 с.
2. Джексон М., Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС Эдиториал, 2004. 256 с.
3. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
4. Красильникова Л.В. Словообразовательный компонент коммуникативной компетенции иностранных учащихся-филологов. М.: Макс Пресс, 2011. 360 с.
5. Огольцева Е.В. Образный потенциал словообразовательной системы современного русского языка. URL: <http://cheloveknauka.com>
6. Сборник толковых словарей. URL: <http://slovarsbor.ru/>
7. Фатхутдинова В.Г. Комплексные единицы словообразования в русском и татарском языках: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2006. 49 с.
8. Ширшов И.А. Толковый словообразовательный словарь русского языка. М., 2004. 1022 с.

## **Reflection of the Russian language picture of the world in a word-formation verb metaphor**

**Elena B. Demidova**

PhD in Philology, Associate Professor,  
Department of Russian as a foreign language in vocational training,  
Institute of Philology and Foreign Languages,  
Moscow Pedagogical State University,  
119435, 1/1, Malaya Pirogovskaya st., Moscow, Russian Federation;  
e-mail: lena2707@yandex.ru

**Natal'ya V. Nikolaeva**

PhD in Cultural Studies, Associate Professor,  
Department of Russian as a foreign language in vocational training,  
Institute of Philology and Foreign Languages,  
Moscow Pedagogical State University,  
119435, 1/1, Malaya Pirogovskaya st., Moscow, Russian Federation;  
e-mail: nv.nikolaeva@mpgu.su

### **Abstract**

Russian word formation is actively involved in the transfer of cultural information. The peculiarities of the language, which are the “picture of the world” in the consciousness of the ethnos, are concentrated primarily in linguistic comparison and language metaphor. Metaphoric structuring of objects has a very selective and fragmented nature, the manifestation of which can be noted in all groups of verbs formed based on a word-formation metaphor. The group of verbs of the formation of a physical or mental quality, as well as verbs of behavior formed from metaphorized names of animals, are represented quite widely in Russian. At the same time, the metaphoric structuring of objects has a very selective and fragmented nature, the manifestation of which can be noted in all groups of verbs formed on the basis of a word-formation metaphor. In the group of verbs formed from real and specific nouns with a limited set of substances “suitable” for metaphorization, such a feature as motionlessness, negatively evaluated by linguistic consciousness, is very often represented, since the concept movement is a “positive” concept of Russian. Verbs of behavior from nouns denoting institutions are represented by a small group, but these verbs indicate the representative focus of Russian language consciousness. It should also be noted that metaphorical motivation is expressed both distinctly and implicitly.

### **For citation**

Demidova E.B., Nikolaev N.V. (2019) Otrazhenie russkoi yazykovoi kartiny mira v slovoobrazovatel'noi glagol'noi metafore [Reflection of the Russian language picture of the world in a word-formation verb metaphor]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 9 (2A), pp. 162-169.

### **Keywords**

Language picture of the world, word formation, metaphor, verb, philology.

---

---

## References

1. Fatkhutdinova V.G. (2006) *Kompleksnye editsy slovoobrazovaniya v russkom i tatarskom yazykakh. Doct. Dis.* [Complex units of word formation in the Russian and Tatar languages. Doct. Dis.]. Kazan.
2. Gadamer H.G. (1988) *Istina i metod* [Truth and method]. Moscow.
3. Jackson M., Lakoff J. (2004) *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow: URSS Editorial Publ.
4. Kornilov O.A. (2003) *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov* [Language pictures of the world as derivatives of national mentalities]. Moscow: CheRo Publ.
5. Krasil'nikova L.V. (2011) *Slovoobrazovatel'nyi komponent kommunikativnoi kompetentsii inostrannykh uchashchikhsya-filologov* [The word-formation component of the communicative competence of foreign philological students]. Moscow: Maks Press Publ.
6. Ogol'tseva E.V. *Obraznyi potentsial slovoobrazovatel'noi sistemy sovremennogo russkogo yazyka* [The figurative potential of the word-formation system of the modern Russian language]. Available at: <http://cheloveknauka.com> [Accessed 04/04/2019]
7. *Sbornik tolkovykh slovari* [Collection of explanatory dictionaries]. Available at: <http://slovarsbor.ru/> [Accessed 04/04/2019]
8. Shirshov I.A. (2004) *Tolkovyi slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow.